

Высоко в небе над местом битвы, изменившей весь ландшафт, парил бледный мужчина с длинными белыми волосами, похожими на гриву, в чёрно-белой одежде, с плоским изогнутым рогом, обвивающим его лоб, и выразительными фиолетовыми глазами с концентрическими кольцами в них, глядя на кроваво-красную луну.

— Наконец-то этот мир познает мир... — пробормотал Учиха Мадара, его голос был глубок, как пропасть, и грозил поглотить любого, кто его услышит.

Потянувшись к рогу, обрамлявшему лоб, Мадара левой рукой сорвал его, обнажив третий глаз. Как и два других глаза, он тоже состоял из трёх концентрических кругов. Но вместо фиолетового он был тёмно-красным и имел в общей сложности девять томоэ в виде запятых, расположенных на равном расстоянии друг от друга, по три на каждом кольце.

— Сияй над миром... — пробормотал Мадара, принимая триумфальную позу, когда луна отразилась в его третьем глазу, высвобождая его конечное гендзюцу, Бесконечное Цукуёми...

...

..

.

Открыв глаза до предела, юноша с немного всклокоченными черными волосами и поразительными голубыми глазами поднялся в сидячее положение, его худое, но спортивное тело было покрыто потом.

— Я жив...? — пробормотал юноша с выражением недоверия в голосе, быстро осмотрев себя. Последнее, что он помнил, – это темнота, надвигающаяся на его зрение, когда он пытался пережить событие, известное как Четвертая мировая война ниндзя, спрятавшись в заранее подготовленной пещере. Как? Потому что он знал, что она произойдет почти за десять лет.

— Подождите... это не мое тело... — пробормотал юноша. На первый взгляд, его телосложение соответствовало восьми-десятилетнему мальчику, однако, по его последним воспоминаниям, ему было семнадцать, а сейчас – восемнадцать.

— Неужели я заиклился...? — спрашивал себя юноша, испытывая волнение, поднимавшееся из самых глубин его души.

Желая подтвердить свои подозрения, юноша снял с себя одеяла и вскочил с кровати. Узнав в почти пустой комнате квартиру, которую ему предоставили после успешного поступления в Академию ниндзя Конохи, он направился в ванную, чтобы посмотреть на свое отражение в зеркале.

— Оно настоящее... — пробормотал юноша, не в силах сдержать улыбку, которая расплылась по его лицу, когда он коснулся своей щеки, заставив относительно симпатичного юношу в зеркале сделать то же самое.

Закончив проверять свое лицо, юноша потянул за резинку своих черных брюк и белых боксеров, заглядывая в их содержимое.

Почувствовав облегчение, юноша вздохнул и позволил резинке защелкнуться на коже, пробормотав, — Давайте проверим, что мы знаем... Я не помню, чтобы умирал во второй раз, так что это не может быть еще один исекай...

Хотя он выглядел как любой другой житель мира, в котором жил, юноша, известный как Сейкун, был тем, кто после смерти в первом воплощении реинкарнировался в мир своего любимого аниме «Наруто, — К сожалению, он не встретил Бога или Богиню заранее, поэтому единственным его обманом было предвидение, связанное с событиями аниме. В результате, несмотря на то, что он приложил все усилия, чтобы стать сильнее, ему не удалось попасть в официальную команду, и вместо этого он был зачислен в резерв гениев, ограничиваясь выполнением миссий в пределах деревни.

Вспомнив, сколько ему пришлось пережить из-за отсутствия родословной и ограниченного запаса чакры, Сейкун устало вздохнул и пробормотал, — Даже если это петля, это не меняет того факта, что я не гожусь для того, чтобы стать ниндзя. Неужели я действительно хочу снова нарываться...?

Несмотря на то, что во второй раз у него, несомненно, получится лучше, особенно с десятилетним опытом, чем у конкурентов, Сейкен знал, что это лишь вопрос времени, когда те, кто прославился в каноне, а именно главные герои, превзойдут его. Даже то, что он подружился с Роком Ли и на протяжении всей своей жизни в Академии почти каждый день надрывал задницу, не принесло ощутимых результатов, так какой в этом смысл, если ему суждено оставаться слабым?

Почувствовав уныние, Сейкун вернулся в свою комнату, сел на край кровати и погрузился в глубокую задумчивость. Быстрый взгляд на настенный календарь и часы показал, что его первый день в Академии должен начаться менее чем через час, но после того, что произошло в предыдущей петле, ему было трудно найти в себе силы покинуть квартиру. Его внешность с самого начала сделала его довольно популярным, но по мере того, как он постепенно превосходил всех студентов, кроме нескольких гражданских, девушки, которые поначалу с восторгом смотрели на него, постепенно отдалялись, а потом и вовсе стали его игнорировать. Единственное исключение...

— Хината... — пробормотал Сейкун, испытывая ностальгию и меланхолию. В последнем цикле он по собственной инициативе подсел к Хинате и подружился с ней, но, поскольку ему не нравились маленькие девочки, он в основном старался укрепить ее уверенность в себе. Это значительно улучшило ее результаты и даже позволило ей завести друзей, но поскольку ее отец не хотел, чтобы с его дочерью общался простолудин, его предупредили, чтобы он держался подальше. Он не воспринял предупреждение всерьез, и, поскольку немедленных

последствий не последовало, он оказался в полной растерянности, когда пришло время переходить в следующий класс, и его отстранили, несмотря на то что по оценкам и успеваемости он был в середине класса...

— С моими знаниями и опытом генина я, пожалуй, смогу остаться в первых рядах... — пробормотал Сейкун, поглаживая подбородок, его яркие голубые глаза заострились, — Тогда, даже если я разозлю Лорда Хиаши, ему будет не так легко заставить меня задержаться...

Сейкун больше всего сожалел о том, что в предыдущей петле решил подождать, пока девушки, которые его интересовали, вырастут, и только потом приступить к их отношениям, хотя это было мелочно и более чем бесстыдно. Теперь, когда ему дали второй шанс, он испытывал почти непреодолимое желание сказать «к черту все» и воспользоваться ситуацией.

Когда подобные мысли заполнили его голову, Сейкун почувствовал прилив сил вместе с нарастающими эмоциями. В предыдущей петле ему и многим другим гражданским ученикам потребовалось почти два года, чтобы постичь основы чакры. Теперь он не только чувствовал, как она течет по его конечностям и телу, но и реагировал на нее гораздо активнее, чем обычно.

— Какого черта...? — спросил Сейкун, переворачиваясь и глядя на ладонь своей правой руки. В предыдущей петле ему потребовались огромные усилия, чтобы сформировать чакру, но теперь она, казалось, реагировала интуитивно, именно так, как он хотел.

Подкрепляя эти мысли, Сейкун сконденсировал над ладонью крошечную, размером с мрамор, сферу голубовато-белой энергии, чакра в которой пульсировала, как шар плазмы. Затем, просто подумав, он заставил ее начать вращаться, в результате чего образовалась несовершенная сфера, которая стала выпуклой по бокам, а затем превратилась в диск, когда он разогнал ее до сотен, а вскоре и до тысяч оборотов в минуту.

— Это слишком хорошо, чтобы быть правдой... — пробормотал Сейкун, замедляя вращение диска перед тем, как совершить еще более возмутительный подвиг – поглотить чакру обратно в свое тело.

Поскольку в предыдущей петле он даже представить себе не мог, что сможет так контролировать свою Чакру, Сейкун был вынужден вновь задуматься о реальности своего положения. Он не умер, и последнее, что он помнил, было ощущение помутнения рассудка, похожее на то, как если бы его поместили под гендзюцу перед тем, как он потерял сознание.

— Бесконечное Цукуёми... — пробормотал Сейкун, выражение его лица стало жестче. Действие гендзюцу заключалось в том, что жертвы попадали в сон, где исполнялись все их желания. Обычно жертвы не знали, что попали в ловушку гендзюцу, но поскольку Сейкун знал о его существовании заранее, ему не составило труда соотнести странность своего нынешнего положения с тем, что он находится во сне. Сон, созданный специально для него...

Любопытствуя и желая подтвердить свои подозрения, Сейкун представил себя таким, каким он

выглядел до потери сознания. Он ожидал, что его вид изменится почти мгновенно, поэтому после нескольких минут молчания и ничего не происходило, он в замешательстве наклонил голову.

— Значит ли это, что существуют ограничения в пределах сновидения? — задался вопросом Сейкун, проявляя и формируя свою чакру в многочисленные формы, — «Или же я появился в это время и в этой форме потому, что мое внутреннее желание было переделать все с нуля...

Независимо от того, что было правдой, Сейкун решил, что не стоит пользоваться ситуацией. Даже если все, что он испытывал, было сном, он мог воспринимать и взаимодействовать с окружающим миром, как с реальностью, и это имело значение. Таким образом, пока он не проснется и не обнаружит себя снова в пещере, его текущая реальность была всем, что имело значение...

— Мне это понравится... — пробормотал Сейкун с решительным выражением лица, вновь впитывая проявленную чакру и формируя руку в слегка подрагивающий кулак...

...

..

.

Хотя Сейкун решил сделать все возможное, многолетняя депрессия и одиночество - это не то, что можно преодолеть в одночасье. Мысль о том, что придется сидеть в классе полдня в течение четырех лет, тоже была не из приятных, поэтому после длинной речи Третьего Хокаге о Воле Огня он проигнорировал любопытные взгляды девочек из класса, занял место № 17 во втором ряду третьей колонки и опустил голову.

Вскоре после того, как Сейкун занял свое место, робкий голос, похожий на колокольчик, прервал его размышления и спросил, — Если вас не затруднит, можно я сяду здесь?

Подняв голову, Сейкун без удивления обнаружил перед собой нервную девушку с бледно-аметистовыми глазами, напоминающими опалы. Ее черные с фиолетовым оттенком волосы были уложены в характерную стрижку химе, обрамляющую лицо, а поскольку это был их первый день в Академии, на ней была повседневная одежда: белая водолазка с короткими рукавами под светло-фиолетовой толстовкой без рукавов, темно-синие брюки, обрезанные до половины икры, и темно-синие сандалии без пальцев, которые были стандартной одеждой для всех ниндзя Конохи.

Поскольку именно из-за нее он выбрал место номер семнадцать, Сейкун без колебаний ответил, — Конечно... —, после чего снова опустил голову. В прошлый раз он был гораздо дружелюбнее. В этот раз, не желая преждевременно навлекать на себя мелочность отца Хинаты, он решил не спешить и сначала доказать свои возможности.

Увидев, как Сейкун опустил голову, Хината несколько сникла. Ей редко разрешалось выходить за пределы клана Хьюга, поэтому она с нетерпением ждала возможности посетить Академию и, надеюсь, завести хотя бы одного друга до окончания школы...

Оглядевшись по сторонам в поисках других свободных мест, Хината почувствовала себя несколько беспомощной, так как большинство из них были заняты или возле них стояли люди. В первом ряду было несколько свободных мест, но так как она не хотела быть центром внимания учителя во время уроков, то в конце концов сдалась и заняла место рядом с Сейкуном.

— ...

— Как тебя зовут...? — спросил Сейкун, удивив Хинату, так как она не ожидала, что он заговорит.

— Х-Хината... — ответила Хината и неуверенно добавила «Хьюга Хината... — гораздо более низким голосом.

— Меня зовут Такахаси Сейкун..., — сказал Сейкун, слегка повернув голову, чтобы встретить взгляд Хинаты, и пояснил, — Я не выспался прошлой ночью, поэтому немного устал. Не думай, что я тебя игнорирую...

— О... хорошо... — ответила Хината, выглядя чуть менее обеспокоенной, но заметно более смущенной. Сейкун заметил это, и это показалось ему одновременно любопытным и немного тревожным. Насколько он мог судить, Хината вела внутренний монолог с самой собой и, похоже, тщательно обдумывала свои слова и действия. Если бы он действительно находился во сне, созданном Бесконечной Цукуёми, разве не было бы логичнее, чтобы она вела себя так, как он ожидал или, точнее, как он хотел, чтобы она вела себя? Или же ее нынешнее поведение было результатом тех самых ожиданий? Насколько Сейкун мог судить, она и все остальные люди, с которыми он столкнулся после пробуждения, были столь же реальны, как и те, кто отверг его в предыдущей петле...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/107865/3976970>